

Андрей Левицкий

**НОВЫЙ ВЫБОР
ОРУЖИЯ**

Андрей Левицкий
Новый выбор оружия
Серия «Апокалипсис-СТ»
Серия «Я – Сталкер», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6691346
Андрей Левицкий. Я – сталкер. Новый выбор оружия: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084028-1

Аннотация

В Зоне нет никого, кто не слышал бы о легендарном Картографе. Он знает тайные тропы и понимает Зону, как никто другой, потому его карты дороже золота. Химику и Пригоршне улыбнулась удача: им досталось его творение, и они решают идти к полю артефактов, не догадываясь о том, что покусились на тайну, которая интересует слишком многих. И снова они преодолевают аномалии, какие раньше и в страшном сне не приснились бы, сражаются с неизвестными мутантами и противостоят могущественным врагам, желающим заполучить карту и прикоснуться к сердцу Зоны. Теперь им нельзя отступать: на кону не только их собственные жизни, но и судьба Мира Сталкеров.

Хрупкое равновесие нарушено... Какой будет цена победы?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	31
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Левицкий

Я – сталкер. Новый выбор оружия

STALKER

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

– Хорошо в Зоне летом, – пробормотал Пригоршня и повел стволом М-4 из стороны в сторону.

От цветочной поляны разило неприятностями. Мы лежали на невысоком холме, поросшем травой, яркой, какая бывает только в мае. Было тихо, только какие-то птицы пересвистывались в прозрачном небе, да жужжали насекомые. Пригоршня предпочитал рассматривать идиллию в коллиматорный прицел штурмовой винтовки, а я то и дело поглядывал на свой ПДА.

Поляна внизу ничем не отличалась от такой же где-нибудь в Подмоскovie: лютики-цветочки, шмели и прочие насекомые, воздух наполнен теплыми ароматами. И отчетливым запахом больших проблем.

Я всегда это чувствовал на расстоянии, потому и выжил в Зоне, а уж после крайнего ее Изменения моя интуиция и способность предугадывать аномалии достигли прямо таки небывалой силы. Теперь нас с Пригоршней можно было назвать самыми везучими сталкерами – любимчиками Зоны. Правда, на финансовую сторону удача не распространялась – рынок еще не стабилизировался, покупатели не разобрались с новыми артефактами (а как тут разберешься, если каждый день – что-то неисследованное попадает), и заказов было мало.

Текущий, например, меня ошарашил. Предмет, за которым охотились мы с Пригоршней, был, мягко говоря, странен, а вообще – не особо кому нужен.

– Чуешь что-нибудь, Химик? – Друг сдвинул ковбойскую шляпу на затылок, чтобы не мешала.

– Гадость там какая-то психотронная.

– Психо-чего?

– Психотронная, – пояснил я, – на мозги давить будет.

– Как контролер?

– Вроде того, только не мутант, а аномалия.

– Не было бабе заботы, купила баба пороса. Говорил: давай откажемся.

Вообще хороших аномалий не бывает, но те, что «давят на мозги», сталкеры не любят особенно.

– Можно обойти, но только мне кажется, этот «ластик» где-то в ней, внутри.

Пригоршня отложил винтовку, перекатился на спину и потянулся, хрустнув суставами. Мы были в пути уже трое суток, и только сейчас наткнулись на подходящую аномалию. Сам я «ластики» еще не находил, только слышал о них – стирают эмоции, будто высасывают. Зачем нужно, кому нужно – непонятно. Ан нет, пригодилось. Заказчик сказал – для больной дочери.

Чем дольше я смотрел на поляну, тем неприятнее становилось. Такое чувство, что поблизости, в плюс ко всем прелестям, бродит контролер, а во что превратились контролеры после Изменения, я пока не знал, и знать не хотел. Вообще эта тварь открытых мест не любит, предпочитает подземелья и развалины, но... Вот то-то и оно. Изменение не расширило Зону на весь мир, как мы думали, но прошлось по ней основательно, перекроив и переиначив.

– А мне все-таки кажется, контролер, – будто прочитал мои мысли Пригоршня.

– Да откуда бы...

И тут контролер выскочил из жизнерадостных березок в дальнем конце поляны. Расстояние давало нам некоторое преимущество, издавелека мутант-телепат не мог дотянуться и нанести пси-удар. Выглядел он обычно для их племени: непропорционально большая голова

в язвах, штаны свисают лохмотьями, торс обмотан грязными, изорванными бинтами. Тварь двигалась рывками, но не по прямой, а огибая невидимую аномалию.

Чертыхаясь, Пригоршня потянулся за винтовкой, которую отложил в сторону. За это время контролер успел довольно значительно приблизиться и увидеть нас, а я – прицелиться и дать короткую очередь в три выстрела. Увы, в тот момент, когда давил на спусковой крючок, почувствовал полубморочную слабость, и рука дрогнула, я промазал: контролер «дотянулся».

Вот и первый сюрприз от этих телепатов: увеличена зона поражения. Плохо! Но хорошо, что пока еще слишком далеко от него до меня, чтобы нанести удар в полную силу, иначе я бы валялся, подыхая от головной боли.

Пригоршня вскинул М-4... И опустил. Слишком близко. Чтобы сбить прицел, контролеру не понадобится даже «отпускать» меня. Я достаточно долго знал напарника и понял, что он собирается делать. И решил помочь, оттянуть внимание мутанта на себя. Превозможная слабость и дурноту, снова выстрелил... и снова – «в молоко».

Пригоршня поднялся и, отбросив оружие, из которого сейчас просто не мог прицельно выстрелить в мутанта, кинулся навстречу контролеру.

С реакцией у того было туговато. Проще говоря, контролер – тормоз. Решительные и, главное, быстрые действия сбивают его с толку. Тварь закрутила огромной башкой, ослабив контроль надо мной. Правильно, милый, расслабься! Еще немного, и, подчинив меня окончательно, контролер вполне способен был заставить вольного сталкера Химики выстрелить не в него, а в вольного сталкера Пригоршню...

Бывший десантник уже был у цели. Шляпа свалилась с его головы, когда Пригоршня налетел на мутанта. Я поспешно опустил винтовку: не хватало еще попасть в напарника!

Пригоршня пнул контролера в живот, тот упал на спину, перекувыркнулся и вскочил с неожиданным проворством. Вот и второй, значит, сюрприз. До Изменения даже я «сделал» бы контролера в рукопашной схватке, что уж говорить о Пригоршне. Напарник был в опасной близости от телепата, и я снова выстрелил намеренно в сторону, но достаточно близко, чтобы контролер занервничал и вспомнил обо мне. Тварь обернулась, я встретился с нею взглядом – это было похоже на удар в глаз, вспышка ослепительно-белого света, боль, брызнувшие слезы. На несколько мгновений полностью потерял ориентацию.

Это почти сразу прошло – контролер отпустил – и, проморгавшись, я понял, почему.

Пригоршня вошел-таки с ним в близкий контакт. Прихватив одной рукой за загривок, второй он навешивал контролеру размеренные удары снизу вверх, в челюсть. Затем перехватил мутанта обеими руками, буквально повис на нем и врезал коленом в живот. Контролер бормотал и подвывал, пытаясь закрыться от ударов.

– Уходи, – донеслось до меня, – уходи.

– Не! Уйду! Сдохни! – каждый выдох Пригоршни сопровождался новым ударом.

Я практически оклемался: сейчас контролер не мог дотянуться до чужого сознания, ему бы свое удержать.

Пригоршня, не отпуская мутанта, с силой развернулся, закрутив контролера, и направил его в центр поляны, разжав руки. Контролер, согнувшись, пробежал несколько шагов и замер. Движения его стали замедленными, скованными. Пригоршня рванул было следом...

– Стой!!! – заорал я.

Напарник замер. Зона быстро учит слушаться коротких приказов и дельных советов, а недоверчивые погибают. Пригоршня же был опытным сталкером, крутым, как хорошо сваренное яйцо, бывалым, как старый башмак, и тертым, как терка.

Подобрав его винтовку, я спустился с холма.

– Где моя шляпа? – спросил Пригоршня, не отводя взгляда от контролера.

Мутант топтался на месте, схватившись за голову, жалобно подвывал. Я вернулся и поднял шляпу, нахлобучил на голову напарника. Пригоршня часто дышал – еще не отошел после схватки.

– Эк его...

– А ты за ним сунуться хотел, – напомнил я. – Он в самом центре аномалии. Интересно, что она, делает когда разрядится?

– Не знаю, что делает, но плющит бедолагу не по-мутантски.

– Ты его пожалей, пожалей, тоже мне, гуманист выискался. Гринпис камуфляжный, общество защиты мутантов.

– Давай, не стесняйся, обзывайся. Между прочим, пока ты солнечные ванны принимал, я работал.

– Ну, каждому – свое. Кто-то головой работает, думает, а кто-то головой бьет и в нее ест.

Пригоршня лишь зыркнул в ответ, давая понять: шутить не расположен. Перебрасываться фразочками разной степени остроумности мы могли бесконечно, но пора было что-то делать с контролером и аномалией.

Последняя все еще внушала беспокойство – кажется, она не разрядилась. Осторожно, чтобы не вляпаться, я обошел ее кругом, двигаясь по краю поляны. При этом я интенсивно... не знаю, как это назвать: принимался? присматривался? Короче, всеми пятью основными и сколькими-то дополнительными чувствами пытался понять, что перед нами.

Контролеру было плохо. Сочувствия у меня он не вызывал, только любопытство. Обычно агрессивная тварь выглядела утратившей смысл существования, моральные ориентиры и внутренний нравственный закон. Волны уныния и апатии расходились от контролера, как круги от брошенного в воду камня.

И причиной этого была неизвестная аномалия.

– Ну как? – поинтересовался Пригоршня.

– Я туда не хочу, – сообщил я, – и ты туда не хочешь. И он там быть не хочет, а приходится. Сдается мне, Пригоршня, «ластик» все-таки внутри этой дряни. Только нужно ее дезактивировать.

– Есть идеи, как это сделать?

– Есть предположения, что контролера аномалии недостаточно, потому что контролер не совсем разумен. Нужно засунуть туда кого-то поразумнее.

– Вот ты и лезь! – обрадовался Пригоршня. – Ты же сам говорил: работаешь головой. Употребь, значит, могучий разум во благо!

– Мне туда нельзя. Я склонен к рефлексии. А ты даже слова такого не знаешь, поэтому давай, выручай контролера, раз уж ему сочувствуешь.

– Не понял.

– Ну вот видишь! Топай, говорю, в аномалию. Ежу ясно, она не смертельна. Потоскуешь немного, потом я тебя вытащу.

– А как вытащишь?

– Что-нибудь придумаю, – «успокоил» я друга.

В нашем деле оптимизм – на втором по главности месте после осторожности и предусмотрительности. Не знаешь, что делать – положишься на «авось» и верь в лучшее. Я надеялся, что Пригоршня не утратит разум. На случай, если все-таки это случится, мы решили обвязать его веревкой, длинный конец которой я буду держать. Выдерну.

– Нож оставь, – посоветовал я Пригоршне, – вообще, разоружись. Суициднешь еще.

– Вот это слово я знаю, – мрачно сообщил друг, разоружаясь и складывая ножи, пистолет, куботан и прочие мелочи на траву, – и оно мне не нравится.

Опоясавшись, как альпинист, и сдвинув шляпу на левый глаз, Пригоршня двинулся вперед. Я стоял в нескольких шагах от начала аномалии и раздумывал, не пристрелить ли

контролера. Пока что рано: может быть, он все-таки оттягивает часть мощности. Но если проявит агрессию, сделаю это с удовольствием. Конец веревки лежал у моих ног.

Шаг, еще шаг. Пригоршня ссутулился и обхватил себя за плечи. На меня он не оборачивался.

Черт, если уж его так прибило... Он добрел почти до контролера, не обратившего на недавнего врага никакого внимания, и обернулся ко мне. Взгляд у друга был пустой, лицо исказила гримаса страдания.

– Найди артефакт! – крикнул я.

Ни тени осмысленности на лице.

– Арт! «Ластик»! Ну же, дружище!!!

Пригоршня мотнул головой, сообщил, что «ему это не нравится» и опустился на четвереньки. Я запаниковал. А ну как аномалия оказала губительное воздействие на крепкий, но не сильно развитый разум сталкера?! И теперь он всегда будет передвигаться на четвереньках? Что я буду делать с этим домашним животным?

Страх оказался напрасным: Пригоршня шарил в траве, что-то искал. Через пару минут пыхания он снова поднялся, сжимая в руке губку. Теперь выражение лица у Пригоршни было совсем странным: расслабленным, как в баре после третьей кружки пива. Спокойная улыбочка, прикрытые глаза.

– Уходи! – скомандовал я. – Пригоршня, возвращайся!

Все чувства буквально кричали об опасности. Я нагнулся, чтобы поднять веревку и дернуть...

Аномалия перестала действовать.

Контролер пришел в себя и бросился на Никиту. А тот по-прежнему улыбался и сжимал зеленую губку. И оружия у него при себе не было.

Контролер не стал (или не смог) пользоваться телепатией. Весил мутант прилично – думаю, под девяносто кило, и, налетев на сталкера, сшиб его с ног. Борьба в партере явно не была его сильной стороной, но Пригоршня не сопротивлялся – упал, раскинув руки, словно пулей сраженный. И все с той же улыбкой.

Признаюсь, я растерялся. Никогда еще не приходила мысль, что Пригоршня может сойти с ума. Он всегда готов действовать, и хук с правой явно опережает скорость его мысли. Пригоршня сперва бьет, потом прикидывает, а надо ли было.

Мутант взвыл и принялся молотить его кулаками – безо всякой системы, но точно больно и опасно. Пригоршня дергался, но не сопротивлялся.

Стрелять было рискованно.

Выхватив нож, я бросился на помощь. Время растянулось, казалось, будто я двигаюсь в киселе кошмарного сна и не успею... Медленно-медленно я добежал до дерущихся. Медленно поднял руку. Медленно вогнал нож мутанту в шею – сбоку, где проходит сонная артерия. Анатомия у контролеров почти человеческая. Когда я выдернул нож, из шеи забил фонтан крови. Глянцевая, молодая трава, улыбающийся Пригоршня (физиономия его украсилась несколькими синяками, а из носа шла кровь) – все оказалось залитым красным. Я ударил еще раз и ногой спихнул контролера с напарника.

Мутант попытался отползти, зажимая шею, но силы быстро покинули его, он затих в паре метров от нас.

Пригоршня на происходящее почти не отреагировал, так, слегка скосил глаза в мою сторону.

Губка была у него в левой руке, и теперь я не сомневался, что это – «ластик», артефакт, стирающий эмоции. Видимо, еще и оглушающий человека. Первым делом подхватил Пригоршню под мышки и отволок к холму, подальше от притихшей аномалии – не факт, что она не включится заново. И только потом подробно рассмотрел находку.

«Ластик» был неровным, округлым, с некрупный апельсин размером, и, вроде, губчатая поверхность его слегка пульсировала. Брать голыми руками я не рискнул – вернулся на холм за рюкзаками, вытащил перчатки и контейнер, щипцы. Пригоршня не сопротивлялся, и щипцами я довольно быстро вынул находку из его пальцев и переправил в контейнер. Захлопнул крышку. Сталкер глубоко вздохнул, сел, очумело потряс головой. Заметил банку с артом идохлого контролера.

– Так, – мрачно сказал Пригоршня, ощупывая пострадавшее лицо. – Я не знаю, что это за наркота была, но больше я ее не хочу. А хочу кружку пива. Кажется, ты мне ее должен.

– Должен, – согласился я. – А клиент нам бабок должен. Но все это, друг мой, дня через три, когда мы доберемся до места встречи.

* * *

Встреча была назначена на три часа дня в новом баре «Люби гусей», который я мысленно окрестил гусятней. Он месяц назад открылся в окрестностях Любеча, мы с Пригоршной предпочитали «Жирного зомби», и там еще не были, но клиент настоял – мол, опасается за принесенные деньги, баснословную для него сумму, и не придет незнамо куда.

Ну, ничего, гуси так гуси. Заодно и место разведем, нам этот бар кто только ни хвалил: что-де и готовят вкусно, и недорого, и пиво собственного производства великолепное, и девочки там работают ниче так.

«Гусятня» напоминала старинный сруб: небольшие окна со ставнями, еще не закопченная труба, флюгер в виде взмахнувшего крыльями гусака.

На бревенчатых ступенях курил Бурун – именно он сосватал нам клиента. Сами мы за стремные заказы не беремся, но в последнее время военстали гайки закрутили, и работы поубавилось, что ударило по карману. К тому же Бурун, авторитетный, но не слишком удачливый сталкер, за клиента подписался: что-де мужик серьезный, горе у него, помочь надо.

Не знаю, что случилось с Буруном, но череп у него был странный – конусовидный, словно его хорошенько сдавили тисками. Бурун год назад здорово облучился, и все волосы выпали, теперь он без волос, даже ресниц и бровей нет. Завидев нас, сталкер водрузил на голову вязаную шапочку, помахал и улыбнулся. Зубы у него были крупные, как у лошади, выступающие вперед.

– Здорово, парни! – прокричал он. – Вы прямо в срок, а Антон Васильевич уже на месте, нервничает. Товар с вами?

Я постучал по контейнеру:

– Конечно, с собой, ты нас знаешь!

Заговорил Никита:

– Ну и дрянь. Знал бы ты, чего мы натерпелись...

Я легонько пихнул Пригоршню в бок, и он замолк. Истосковался, бедняга, по обществу за три дня.

Вслед за Буруном мы вошли в гусятню, где сигаретный дым смешивался с химическим запахом недавнего ремонта. Это был бар, какие в Зоне называют либеральными: не требовалось сдавать оружие при входе, охранников тоже не наблюдалось. Хозяин рассчитывал на благоразумие посетителей. Новенький, наверное, наивный.

А вообще тут было приятно: дубовые лакированные столы со скатертями из мешковины, массивные стулья, на стенах – рисунки: вот у входа прямо передо мной багряное небо во время выброса, чуть дальше – незнакомая болотистая местность, помойка, присыпанная снегом и черное пятно ворона.

С еле слышным треском рассекали воздух лопасти гигантского вентилятора, похожего на вертолетный винт, с них свисали длинные нити, закручивались в воздухе.

Столы располагались вдоль стен – десять штук, свободных четыре. Плюс барная стойка, за которой грустил бармен, медитируя на вентилятор, и три посетителя. Завидев нас, бармен подтянулся и придал лицу приветливое выражение. Станный тип, совсем не похожий на завсегдатаев Зоны: светловолосый, патлатый, в белой рубашке и кожаном жилете. Он напоминал студента художественного института.

– Химик, – прогудел Пригоршня. – Ты пиво обещал... Ооооо!

Проследив за направлением его взгляда, я заметил-таки между двумя мужиками за барной стойкой девушку – невысокую, миниатюрную, с каштановыми волосами, собранными на затылке в хвост. Девушка задумчиво смотрела на пивной бокал, ее напарники скучали. Того, что по правую руку от нее, я знал. Это был Патриот, чуть сдвинутый на жидомасонских заговорах парень арийской наружности, сталкер довольно удачливый, но слишком нервный. А вот второго, высокого узколицего мужика, видел впервые. Его веки напоминали мешки, и свисали на глаза, из-за чего лицо приобретало жалобно-флегматичное выражение. Сколько ему лет? Точно больше пятидесяти, таких в Зоне единицы.

– Никита, сначала дела, – шепнул я и зашагал к крайнему столику, где спиной к нам сидел клиент. Антон Васильевич узнавался по округлой розовой плечи на темечке, прикрытой жидкими зачесанными набок волосами. Бурун уже сел к нему, и они повернулись.

– Ладно, – буркнул топающий позади Пригоршня.

Антон Васильевич занервничал, пересел в угол и вцепился в дорожную сумку. Выстрелил взглядом и отвел глаза, заерзал на стуле. Даже не офисный планктон – крыса кабинетная, трусливая. Пригоршня обрушился на стул, шмякнул шляпой по столу и возрился на девушку. Я сел рядом с Никитой и отметил, что она прехорошенькая и даже камуфляж не скрывает достоинств ее фигуры. Ладно, грудь под курткой не видно, но ноги-то, ноги – от ушей, а у невысоких девушек такое бывает нечасто. Все, пропал Пригоршня.

– Здравствуйтесь, – проблеял Антон Васильевич и водрузил на нос старомодные очки.

Я молча поставил на стол вещмешок, откуда извлек контейнер с «ластиком» и положил перед клиентом, который возрился на него с брезгливостью, как надохлое насекомое.

– Вы посмотрите, посмотрите, – самодовольно проговорил Пригоршня, отрыл рот, но покосился на меня и смолк.

– Это не опасно? – клиент подвинул контейнер к себе, покрутил его, не понимая, что с ним делать.

– Только артефакт не трогайте! – возопил Пригоршня и аж подпрыгнул на месте. – Меня так накрыло, чуть сам себя не удавил. А потом отпустило, но голова отключилась, и спокойно стало...

– Давайте, помогу, – я забрал контейнер и нажал незаметную кнопку сбоку. – Только не прикасайтесь.

Это был не привычный трехсекционный контейнер в форме чемоданчика, а небольшой хромированный, вытянутой прямоугольной формы. Новейшая разработка: весит меньше, не так мешает на поясе. Когда знаешь, что возьмешь один артефакт – самое то.

Клиент вытаращился на явившийся взору «ластик». Взял себя в руки и спросил осторожно:

– Оно, точно, сработает?

– Еще как! – закивал Никита. – На себе попробовал. Вы только это... Нашу пригоршню нам того, – он выразительным жестом сгрёб воображаемые деньги со стола.

Кашлянув, деликатный Бурун проговорил:

– Пойду пиво закажу. Вам темное, как обычно?

– Ага, и мяса жареного, да побольше, – улыбнулся Пригоршня. – А то жрать охота.

– Мне тоже мяса, – бросил я и перевел взгляд со спины Буруна, удаляющегося к бармену, на Антона Васильевича.

– Понимаете, – прошептал клиент. – Моей единственной дочери шестнадцать лет, год назад она заболела. Маниакально-депрессивный психоз, – прочтя на лице Пригоршни недоумение, он объяснил: – Это когда жить становится так больно, что аж невыносимо. Если во время приступа дать ей «ластик», он заберет ее боль, и ей полегчает. Мне психиатр так объяснил.

Он потянулся к контейнеру и неожиданно для нас выхватил артефакт. Его невыразительное лицо вытянулось, из глаз брызнули слезы, он протяжно застонал, а потом затих, растянувшись на столе и пуская слюни. Пригоршня вскочил, перевернув стул, сдавил запястье клиента – его кулак разжался, и чуть посверкивающая губка «ластика» выпала в подставленный мной контейнер.

– Жить надоело? – воскликнул Бурун, нависший над нами с двумя кружками пива, одну поставил возле Пригоршни, вторую протянул мне. – Антон, тебя ж предупредили!

Клиент уперся локтями в стол, обхватил голову руками и покачал головой:

– Я должен был проверить, она ведь моя дочь!

– Проверил? – проговорил Пригоршня недобро. – Теперь деньги гони! Мы жизнью рисковали. Четыре штуки зеленых, как и договаривались.

Антон Васильевич хлюпнул носом, вытер слезы и проямлил:

– Очень опасная штука. Я другого ожидал – что она вылечит мою дочь, – он встал, вздернул подбородок. – Нет, я не хочу ее покупать.

– Что-о-о? – Пригоршня тоже встал, упершись кулаками в стол, навис над клиентом, тот икнул и плюхнулся на задницу.

– Тише вы. – Бурун обратился к клиенту: – Антон, так дела не делаются, ты меня подставляешь! Я рекомендовал тебя своим друзьям, они рисковали, потратили почти неделю...

– Да. – Пригоршня припечатал кулаком по столу. – Рисковали!

– Но я рассчитывал на другое, – клиент затрясся, на глаза навернулись слезы, губы задрожали.

Ярость Пригоршни передалась и мне, я отстранил пышущего гневом Никиту и сказал холодно:

– У нас был договор: мы тебе артефакт, ты нам – деньги, так? Так. Для каких он тебе целей, нам не интересно. Артефакт есть, дело за малым: деньги на стол!

– Нету никакого договора! – окрысился клиент. – Где он, написанный на бумаге, скрепленный подписями? Но ладно, – он потянул контейнер к себе. – Готов вам компенсировать неудобства и выплатить тысячу...

– Ах ты ж гниида, – не сдержался Бурун и схватил клиента за грудки.

Воспользовавшись ситуацией, Пригоршня вырвал у него сумку – клиент заверещал. Тотчас рядом с нашим столиком будто материализовались четыре здоровенных лба в спортивных костюмах. Один из них пробасил:

– Прекратить безобразие!

Пригоршня возопил:

– Да очкарик нас на деньги кинул!

– Нас это не волнует. Выяснения отношений – на улице. Разберетесь – возвращайтесь. Таковы правила.

Пригоршня швырнул мне сумку, поднял клиента за грудки и понес к выходу, тот затих и даже не трепыхался. Мы с Буруном поспешили за ним, а то еще пришибет очкарика сгоряча, а смертоубийство нам ни к чему.

Посетители бара, разинув рты, проводили нас взглядами. Многих сталкеров я знал, они кивали одобрительно, а вот девушка за стойкой смотрела с плохо скрываемым пренебрежением. Встретившись со мной взглядом, она отвернулась.

На улице Пригоршня трепал клиента, легонько стучая его спиной о бревна бара. Жертва голосила и звала на помощь. Бурун высыпал содержимое сумки и пересчитывал деньги. Когда я вышел, он сплюнул и потряс купюрами:

– У него с собой только тысяча. Он рассчитывал взять артефакт за бесценок. Вы уж простите, я вам убытки компенсирую, но позже, сейчас у всех дела неважно.

– Убью! – взревел Пригоршня – клиент втянул голову в плечи.

И что теперь делать? Денег нет, ресурсов израсходовано ровно на вырученные деньги, в карманах пусто, заказ оказался гнилым. Убивать теперь Васильича? Хочется, но нельзя. Одно дело, когда человек в аномалии гибнет, другое, когда его убивают на глазах у десятка свидетелей. Это здесь закон почти не действует, но когда-нибудь нам придется покинуть Зону. Да и за Борзым, который мочил людей без разбора, целая делегация явилась, теперь мотает срок. За Бельмастого вообще награду обещали, целый месяц его ловили охотники за головами, но Зона шельму метит, и он сгинул в какой-то из аномалий.

– Остынь, Никита, – я похлопал его по плечу. – Не марайся в дерьме. Этому товарищу теперь путь в Зону заказан.

Поднял паспорт, пролистал до страницы, где отмечались дети. Там было пусто. Вот тебе и доченька-шизофреничка. Наверняка хотел подсидеть начальника или более удачливому соседу подгадить. А может, он врач-психиатр, и ему «ластик» нужен для опытов. Подливать масло в огонь я не стал, разорвал паспорт и бросил в траву.

Пригоршня швырнул жертву в куст шиповника – проходимец даже не пикнул. И на что рассчитывал, идиот? Понадеялся, что дела у нас идут из рук вон плохо, и мы обрадуемся любой подачке? Бурун протянул мне деньги, я сунул их в карман, не считая, и проговорил:

– Мужик, ты нас здорово подвел. Ты ж понимаешь, что спасибо должен говорить, мы тебе жизнь сохранили.

Потерявший очки клиент подслеповато щурился и шевелил губами. Пригоршня выхватил пистолет и прицелился в него:

– Вон отсюда! Чтoб глаза наши тебя не видели!

Васильич на четырех костях подполз к содержимому сумки и принялся распихивать вещи по карманам.

– Вон!!! – взревел Пригоршня и пальнул в воздух.

Сграбастав остатки паспорта, клиент потрусил к лесу, где затаился.

Пригоршня негодовал. На его шее катались желваки, глаза налились кровью, кулаки сжимались-разжимались. Казалось, еще немного, и шляпа взлетит от спущенного пара.

– Я компенсирую, – божился Бурун. – Он мне деньги показал, а я пересчитать не удо-
сужился, это моя вина.

– Идем пиво допивать, – по возможности миролюбиво предложил я и зашагал к ступенькам.

Расселись по местам. Одновременно отхлебнули, Пригоршня тотчас забыл о неудаче и набросился на исходившее паром жаркое, у меня же пропал аппетит. Что мы имеем? После последнего нашего приключения Зона заметно изменилась, появились новые аномалии и артефакты. Сталкеры стали осторожнее, военсталы озверели, цены на артефакты упали. Деньги неумолимо заканчивались, и чтобы организовать эту экспедицию, пришлось лезть в заначку.

Загадки и неожиданности пробудили во мне дух первооткрывателя, вспомнились времена, когда Зона была настоящей Тайной. Вот только сталкеры обленились, и никто не желал рисковать, все предпочитали, чтобы обстановку разведывали рискованные парни типа нас с Пригоршней. Но риск в карман не положишь, а кушать хочется всегда.

Придвинув тарелку, я собрался приступить к еде, но почувствовал чье-то внимание, между лопаток зачесалось. Ощущалась угроза. Пришлось оборачиваться. На меня смотрела девушка, что возле барной стойки. Раньше я ее здесь, точно, не видел.

Ее пожилой спутник, похожий на бассета, слез со стула, перекинул через руку плащ и помог ей спуститься. Она выжидающе уставилась на вход. Я посмотрел, куда и она, и вскинул бровь: к ней шагал мой давешний знакомец Шнобель.

В полумраке он вряд ли нас заметит, лучше пока себя не выдавать, понаблюдать со стороны. Бывший наемник кивком поздоровался с Патриотом, пожал руку бассета, руку девушки поднес к губам и, отпуская, задержал чуть дольше, чем позволяют приличия.

Девушка оживилась, зашевелила губами. В гуле было не разобрать слов. Шнобель помотал головой и развел руками, его собеседница закатила глаза и легонько топнула. Патриот в разговоре не участвовал и пил пиво. Грустноглазый бассет замер навтыжку, чуть запрокинув голову, и крутил серебряную печатку с кельтским крестом, надетую на средний палец. Странный экземпляр, на сталкера совсем не похож, скорее – на вышколенного дво-рецкого.

Конспирации внезапно пришел конец: Пригоршня вскочил, с грохотом отодвинул стул и ринулся к знакомому с радостным воплем:

– Химик, смари, это же Шнобель!

Вся компашка, включая Патриота, повернула головы в нашу сторону. Пригоршня налетел на Шнобеля, сгреб его в объятьях, похлопал по спине. Тот едва на ногах устоял. И кто бы мог подумать, что неуклюжий простоватый Никита способен мгновенно собираться, превращаясь в машину убийства?

Шнобель покосился на наш столик, растерянно улыбнулся. Пригоршня потерял интерес к старому знакомому и попытался втиснуться между девушкой, которая снова уселась возле стойки и подперла голову рукой, и Патриотом. Последний сообразил, чего хочет Пригоршня, и отодвинулся. Ну, началось. Сейчас приятель проявит всю свою медвежью галантность, что может закончиться разборкой. Надо спасать положение.

Я уже собрался вставать, но Шнобель взял Пригоршню под руку и кивнул на наш столик. Никита нехотя побрел за ним.

Шнобель уселся на его место, и Никите пришлось устраиваться напротив меня, рядом с Буруном.

– Ну че, как вы поживаете? – спросил бывший наемник.

– Хреново, – признался Пригоршня, доедая жаркое. – Работы нет, на деньги нас кинули.

Представляешь, работу сделали, а клиент не заплатил! – он ударил кулаком по столу.

Шнобель сморщил огромный нос и махнул:

– Сейчас так у всех. На будущее работаем, имя себе делаем.

– Нас и так все знают, – сказал я, скрестив руки на груди. – Сам где пропадал так долго?

Пригоршня поддакнул:

– Ага, я за тобой скучал!

– Никита, сколько тебе говорить: не «за тобой», а «по тебе», – поправил его я.

– Хватит нудить, Химик. Так что, Шнобель?

– Да работка подвернулась. Девка эта, Энджи, где-то карту раздобыла, новую. Может, сам Картограф ее делал. Так вот, там есть дорога к настоящему клондайку аномалий!

– Да ладно! – глаза Пригоршни сверкнули.

– Она собирает команду, ищет, кто бы ее провел туда. Я нанялся.

– А еще люди нужны? Мы – всегда за, – весело сказал Пригоршня.

– Нужны-то да. – Шнобель покосился на меня. – Но я вам не предлагаю, во-первых, потому что плохо знаю заказчика, во-вторых, это экспедиция не за деньги. Оплата – артефакты, в том числе уникальные, какие сможем унести.

Пригоршня мгновенно потерял боевой задор. Бурун – тоже. Я посмотрел на стойку: там остался лишь Патриот, девушка и грустноглазый ушли.

– И что ты с ними будешь делать? – заговорил Бурун. – Пойди, найди скупщика. Цены упали, военсталы на себя одеяло тянут, рынок лежит. А в Зоне сейчас не так, как раньше, вглубь никто и не ходит.

– Уверен, трудности – временные. Месяц-другой, и все наладится. Там реально море артов, да каких, ууу, бесценных. Девка показывала один, я б за него душу продал! Надеваешь его, такой камешек неприметный, и мутанты не воспринимают тебя как угрозу, а люди невольно начинают симпатизировать.

– Теперь понятно, – усмехнулся я.

– Да! – Пригоршня чуть не подавился. – Все сходится! Вы слышали, это, эээ... Короче, говорят, что Зона живет, убивая сталкеров? Убила – его жизнь себе забрала. И приманки разбрасывает, артефакты то есть. Ну, вот, через артефакт она перегоняет вашу силу себе... И вообще, если пользуешься артом, считай, Зону своей кровушкой кормишь.

Сначала я удивился, подумал, что Пригоршня научился быстрее соображать. Ан нет, он не об очаровании девушки подумал, а очередную байку вспомнил. Зато Шнобель понял, что я имею в виду:

– Да нет, Энджи сама по себе обаятельная. Арт все время носить нельзя, побочка стремная: жрать потом хочется, спать, и, говорят, минута отнимает два часа жизни, то есть стареешь. Но согласишься, если вдруг гон мутантов, деваться некуда, то лучше на пару дней состариться, чем помереть.

– Я ж говорил – забирает жизнь. Раньше такого не водилось, – протянул Пригоршня задумчиво. Так что, им нужны люди? Ты ж знаешь, мы лучшие проводники!

Я наступил на ногу Никиты под столом, и он смолк, покосился на меня.

В прошлый раз Шнобель нас чуть не угробил, потом реабилитировался, конечно, но послекусие осталось. Это с одной стороны. А с другой, прежде чем что-то решать, следует поговорить с барышней, взвесить все за и против.

– Откуда вообще Энджи взялась? – поинтересовался я. – На цивилку не похожа, на сталкера, вроде, тоже.

– Да ладно! Ты отстал от жизни! Не то чтобы Зона к ней благосклонна, но на еду она зарабатывает. Весь Любеч только о ней и говорит: гордая, мол, девка, никто ее так и не добился ни за деньги, никак. Красивая, несмотря на то, что умная.

Пригоршня щелкнул языком и мечтательно закатил глаза. Я хлопнул его по спине:

– Размечтался?

– А чего бы и нет? – он удивленно вскинул брови.

– Шнобель, нам бы с заказчицей поговорить. Устроишь?

Шнобель просиял:

– Здорово, что вы заинтересовались, с вами – хоть на край света.

– Зато с тобой – нет, – остудил его пыл я.

– Мужики, не, я пас, – проговорил Бурун. – Стар я уже для подобных авантур, мне точно надо знать: вот заказ, вот оплата, а так – вилами по воде. Тем более, опасно в Зоне стало, – он стянул шапочку, демонстрируя безволосый конусовидный череп. – Облучился, вот. Где, когда, сам не понял. А что такое лучевуха, все мы знаем. Так что сколько протяну – фиг его знает.

– Можно прямо сейчас пойти, – воодушевился Шнобель. – Они комнату снимают в гостишке, что с обратной стороны бара. Уже два дня толкутся – никто их сопровождать не хочет.

– Так и мы не особо хотим, – сказал я, вставая. – Просто любопытно на карту и артефакт взглянуть. Если они не поддельные, подумаем.

Пригоршня сделал возмущенное лицо, шрам на лбу и шесть точек от скоб, обычно белые, покраснели, нацепил традиционную шляпу и собрался возразить.

– Подумаем, Никита, – сказал я, выделив интонацией первое слово, и приятель приуныл.

За пару лет сталкерства мы отлично сработались и разделили обязанности: я работал головой, Пригоршня по большей части использовал ее как таранное устройство. Нет-нет, Никита не был клиническим идиотом – обычный простоватый парень. Искренний, с таким в огонь и воду, и можно быть уверенным, что он не предаст.

Шнобель надеялся, что мы не устоим перед соблазном, и потирал руки.

– Вы идите, – проговорил Бурун. – Обед я оплачу, что уж сделаешь, проштрафился.

Махнув ему, я направился к выходу вслед за Шнобелем и Пригоршной, кивком поздоровавшись с двумя знакомыми сталкерами, зашедшими перекусить. Судя по щетине и прилипшей к ботинкам грязи, они только из Зоны. Пригоршня пожал руки и собрался поболтать, но я увлек его на улицу.

Итак, что нужно сделать? Поговорить с Энджи, взглянуть на карту, расспросить обо всем и попытаться поймать ее на лжи. Если все, что сказал Шнобель, правда, то имеет смысл запастись контейнерами и наняться в сопровождающие.

– Подождите, предупрежу о вас. Пойдите пока тут. – Шнобель воровато огляделся и зашагал по вытоптанной тропинке за сруб, туда, где лениво вращал лопастями ветряк и в зарослях сирени угадывались хозяйственные постройки, оставшиеся еще с советских времен.

Придвинувшись к Пригоршне, я проговорил:

– Никита, согласен, девушка... Энджи симпатичная, я тебя понимаю. Но умерь свой пыл, он может ее отпугнуть.

– Постараюсь, – пообещал он. – Но сам знаешь... А тут такое чудо!

Раздался стук в дверь, голос Шнобеля, удалось различить лишь одно слово «лучшие». Девушка тихонько что-то ему ответила, и он прокричал:

– Парни, идите сюда!

По другую сторону бара в стене был рядок из пяти одинаковых самодельных дверей. Возле крайней справа, распахнутой, на порожке стоял Шнобель, опершись о перила, и девушка, скрестившая руки на груди. Ее грустноглазый попутчик, видимо, был в номере. Я невольно залюбовался: Энджи сняла камуфляжную куртку, и теперь была в бежевой водолазке, облегающей небольшую высокую грудь и подчеркивающей талию. Волосы онапустила, и они ниспадали до пояса блестящими волнами.

Завидев нас с Пригоршной, девушка вскинула тонкую смоляную бровь, поджала губы и уронила разочарованно:

– Эти?

Шнобель завертел головой, глядя то на нас, то на нее:

– Ну да, Химик и Пригоршня, можно сказать, легенды Зоны, лучшие сталкеры. Да че с тобой? Я с ними работал, толковые.

– Ага, видела, как они пожилого человека втроем... Толково!

А девочка-то с гонором! Или она так ломается? Сейчас проверим.

– Энджи. Ответь, педофилия – это хорошо или плохо?

Лицо девушки вытянулось, но она быстро взяла себя в руки:

– По-моему, ответ очевиден.

– А бить людей?

– Не понимаю, к чему вы клоните?

– Просто ответь, бить людей – хорошо или плохо?

– Зависит от ситуации, – растерянно пробормотала она.